

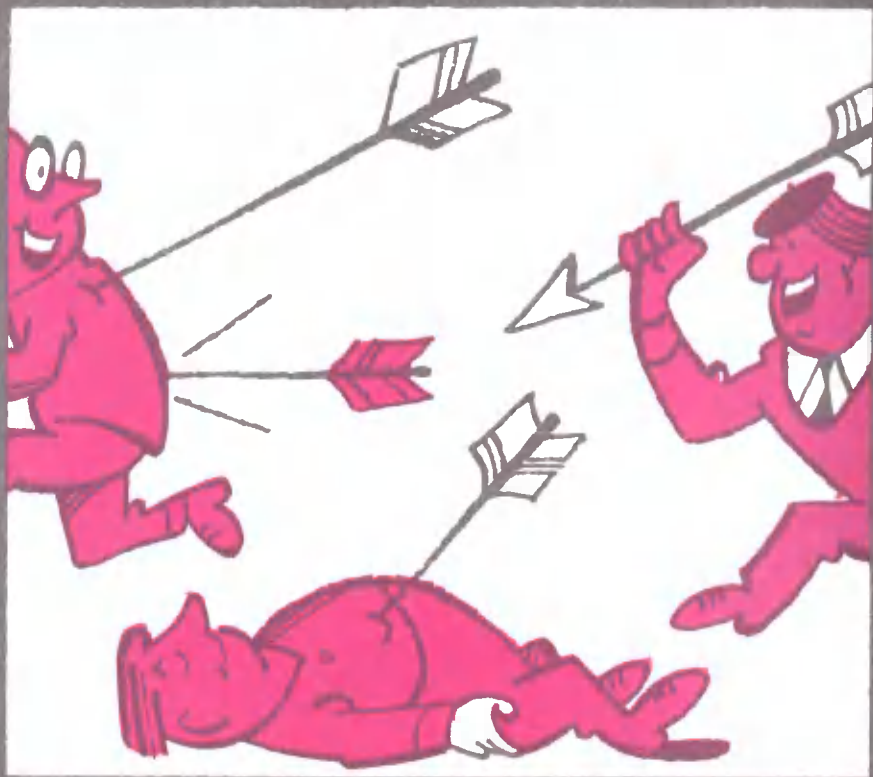

№ 19

Марк ВАЙСБОРД

ОСТРОСЛОВЫ-2

ISSN 0132 — 2141. Б-ка Крокодила. 1990. № 19 1—48.

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

В 1982 году в «Библиотеке Крокодила» вышла книжка «Острословы» (крокодильские мемуары). Книга имела успех. Успех, как известно, кружит голову. Вот автор и решил продолжить это начинание, предложив редакции «Острословы-2». А редакция, в свою очередь, предлагает их читателям.

М. Вайсборд

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

№ **19**

(1103)

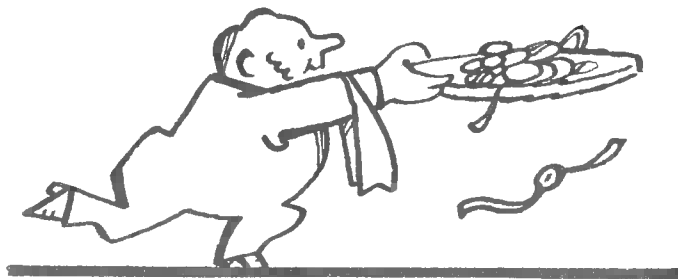
ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Марк ВАЙСБОРД

ОСТРОСЛОВЫ-2

Рисунки автора.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990

СЧАСТЛИВЫЕ ЧАСОВ НЕ НАБЛЮДАЮТ

Шестидесятилетие Ивана Максимовича Семенова было решено проводить в Доме журналиста. И это не случайно. Народный художник СССР, выдающийся советский юморист, всю свою творческую энергию отдавал работе в периодической печати. Пожалуй, не было ни одного издания (будь то журнал или газета!), где бы не предоставляли место (с большим удовольствием!) этому волшебнику кисти и пера. Максимыч, как его обычно звали друзья, редко кому отказывал, и не потому, что был неразборчив в выборе издания, а потому, что любил свою работу, любил, как он говорил, «повозиться с листом», а на листе всегда оживали сотни людей и предметов к восторгу и удивлению читателей, любящих рассматривать его массовки.

Так вот, на юбилей мастера собралось много поклонников (и поклонниц!), как официальных, так и друзей, соратников по веселому цеху.

После многочисленных приветствий и поздравлений началась необычная (об этом ниже!) церемония награждения художника.

Почему необычная? Да потому, что от Союза журналистов ему преподнесли часы, от журнала «Веселые картинки» (создателем которого и главным редактором был И. М. Семенов!) — часы, редколлегия журнала «Крокодил» тоже не блеснула оригинальностью и преподнесла... часы.

В зале поднялся невообразимый шум. Ждали, кто (и что?) следующий?

И тут, воспользовавшись суматохой, в ожидании очередного «часового» Евгений Александрович Шукаев, в то время главный художник жур-

нала «Крокодила», не растерялся и пошел по рядам с откуда-то появившимся подносом. И стал собирать у всех... часы.

В ход пошли и мужские, и женские, ручные и карманные, отечественных и иностранных марок.

Никто ему в этом не отказывал, все включились в игру и ожидали, что из этой веселой затеи получится.

А получилось то, что, собрав полный поднос часов, Женя направился в президиум и, попросив слова, преподнес растерявшемуся (поначалу!) юбиляру все собранные часы.

Что делалось в это время в зале, трудно описать. тем более по прошествии стольких лет.

Максимыч, как истинный юморист, «подыграл», принял все, как должное, и даже произнес ответное слово, которое сами понимаете, мало кто мог услышать.

И долго еще кипели страсти, и долго еще ждали своих часов «потеревшие».

Чем все это кончилось? Часы, вероятно, обрели своих хозяев, юбиляр был доволен тем, что досталось. А вечер этот надолго остался в памяти присутствующих, как говорится, — счастливые часов не наблюдают.

О ВЕРНОСТИ

Был печальный день проводов на пенсию. Этот день почему-то, не смотря на свою торжественность, всегда немного грустен.

Но дело не в этом.

Провожали сотрудника, с именем которого было связано много лет совместной работы в журнале, и не просто в журнале. А на самых близких подступах к редактору — с его секретарем. Было сказано много добрых слов, искренних и справедливых.

И, надо сказать, Тамара Михайловна это заслужила (правда, теперь она занимала другую должность, но все вспоминали о ней как о секретаре!).

И когда все тосты были исчерпаны, слово попросил, обычно немногословный, главный редактор Евгений Пантелеевич Дубровин.

(Тут надо оговориться: Тамара Михайловна была еще и секретарем предшественника Е. П. Дубровина — Семенова М. Г.)

Так вот, слово взял Евгений Пантелеевич:

— Я присоединяюсь к всему сказанному в адрес Тамары Михайловны и хочу подчеркнуть ее преданность журналу и редактору. Ибо до сих пор при встрече со мной она упорно называет меня Мануилом Григорьевичем, или просто Семеновым.

В «Библиотеке Крокодила» за 1963 год выходила книжка Владимира Андреевича Новоскольцева, бывшего в ту пору редактором газеты «Советский спорт». В нее вошли фельетоны, печатавшиеся в газете. в других изданиях, в том числе и «Крокодиле».

Иллюстрировать сборник поручили художнику Юрию Николаевичу Узбякову, много и успешно работавшему в жанре спортивной карикатуры. Он в свое время сделал множество рисунков в «Советском спорте», опубликовал там сотни шаржей на выдающихся советских спортсменов.

Юра хорошо знал спорт, был страстным болельщиком, часто посещал стадионы и спортивные соревнования. Так что выбор был не случайным. Будучи человеком от природы скромным, державшимся в тени, он, принося свои рисунки, оставлял их у дежурного в проходной или подбрасывал просто под дверь отдела иллюстраций и вообще был мало знаком с сотрудниками редакции, не говоря уже о редакторе.

Сдав как-то иллюстрации к сборнику и запустив их в производство, технический редактор «библиотечки» Евгений Тихонович Мигунов, сам отличный художник, выдумщик и фантазер, попросил Узбякова сделать шарж (дружеский, конечно) на автора книжки. как это было принято.

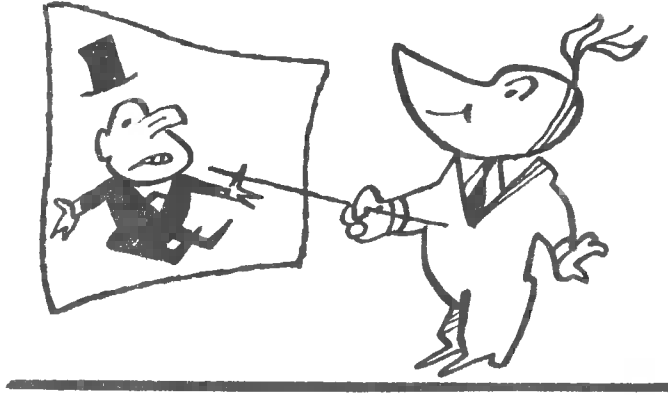
Я случайно обратил внимание на сделанный шарж в тот момент, когда Мигунов сдавал его в производство, и был поражен полным отсутствием какого-либо сходства (и это у Юры — отличного шаржиста!) с Вл. Новоскольцевым, которого хорошо знал.

Как мог художник так опростоволоситься? Выяснилось (это уже позже), что Юрий Николаевич зашел в кабинет Новоскольцева в тот момент, когда тот принимал какого-то посетителя. Не разобравшись, кто есть кто, нарисовал... совершенно постороннего человека! И все это чуть было не увидело свет...

Выручил художник «Советского спорта», мой друг, Игорь Массина, у которого оказался готовый шарж на своего шефа.

А Узбяков? Он сделал после этого еще много иллюстраций к крокодилским сборникам, но к шаржам приступал всегда с особым волнением, может, поэтому и делал их всегда дрожащей рукой.

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА

«ОДНОПЕРЧАНЫЕ»

В стране широко отмечалось сорокалетие Советской Украины, решено было выпустить специальный номер журнала «Крокодил», при участии украинских сатириков из журнала «Перец».

Для подготовки этого номера в Киев выехала бригада «Крокодила»: Ю. Ганф, Е. Весенин, Ю. Благов и автор этих строк.

Киев встретил нас по-праздничному, а друзья-«одноперчане» — по-рабочему: совещания, заседания, обсуждения...

Я знал Киев довоенным, слышал, как жестоко он был разрушен, и, конечно, был приятно обрадован теми переменами, которые с ним произошли.

И вот после посещения Киево-Печерской лавры, катания по Днепру, выступлений на предприятиях и посещения театра киевские коллеги пригласили нас на художественную выставку, где большое место занимали сатирические работы перчан: карикатуры, шаржи, плакаты.

В таком порядке мы и продвигались, пока не остановились в конце экспозиции, то есть у плакатов (типа московских «Агитплакатов»). И тут сопровождавший нас старейший украинский карикатурист Александр Григорьевич Козюренко обратил наше внимание на серию рисунков Казимира Агнита и, как бы хвастаясь, сказал:

— А это наши АГНИТ-ПЛАКАТЫ!

Это началось с легкой руки писателя Леонида Сергеевича Соболева в бытность его членом редколлегии «Крокодила».

Когда редколлегия обсуждала новые рисунки, замечания Леонида Сергеевича обычно сводились к одному:

— Все бы ничего, но лицо надо исправить!

— Почему?

— Похоже на Веру Инбер...

Или:

— Я не возражаю, но очки надо убрать, а то бюрократ (или хапуга, грубиян и т. п.) похож на Бабея...

Или:

— Лицо надо исправить, этот тип напоминает мне Алексея Толстого...

После этого все начали угадывать кого-нибудь из персонажей показываемых рисунков.

Семен Нариньяни всегда находил сходство с любимыми футболистами (этот — двойник Якушина, этот — Боброва, а вот «вылитый» Хомяк).

Виктору Коновалову чудились черты известных художников («типичный» Герасимов или «как две капли воды» Дейнека). А Давид Заславский обнаруживал в каждом персонаже что-то от представителей мирового империализма: то уши Даллеса, то нос Аденауэра.

Попытки Кукрыниксов остановить эту игру воображения не всегда приводили к успеху.

Так продолжалось довольно долгое время, пока в игру не включился Иван Афанасьевич Рябов. Обычно молчаливый и застенчивый, он вдруг однажды прямо-таки ультимативным тоном заявил:

— Лицо, мне кажется, надо перерисовать. Обязательно! Оно мне напоминает...

— Кого? Кого напоминает? — нервно вскинулся художник.

— Леонида Соболева!

...На очередном заседании редколлегии Леонид Сергеевич Соболев, как обычно, начал было свое «А лицо-то надо исправить...», но, взглянув на Ивана Рябова, улыбнулся и умолк.

Художники вздохнули с облегчением.

ЖЕРТВА МОДЫ

«Школа Бродаты...» Так обычно говорили о художниках, работавших (и работающих!) в «его манере». Таких художников было много, художников, которые, в прямом смысле этого слова, не учились у Бродаты, но его великолепное мастерство оставило след на их работах, на манере рисования, на подходе к решению темы или иллюстрации.

Это А. Ливанов, А. Васин, это художники-карикатуристы, на которых влияние Льва Григорьевича Бродаты в ранней стадии их творчества особо сильно повлияло. Леонид Соифертис и Виталий Горяев.

Виталий Николаевич Горяев рисовал в разной манере (впрочем, как и Бродаты!): это и тонкий перьевой рисунок, и черно-белый, исполненный кистью, и цветной — в две, четыре и более красок.

Горяев, кроме рисунков для журнала, много занимался иллюстрациями (впрочем, как и Бродаты!).

Он мог сделать срочный рисунок в номер газеты, менее срочный — в журнал и уже совсем не спеша (впрочем, как и Бродаты!) — для книги.

Лев Григорьевич как-то сказал: «Я знаю, у меня имелись и имеются подражатели... Между тем я сам стою сейчас перед такой задачей, что вынужден буду и стараюсь от многого отказаться, даже от самого метода подхода к трактовке карикатуры. Поэтому очень опасно будет, если мои последователи не сделают того же самого».

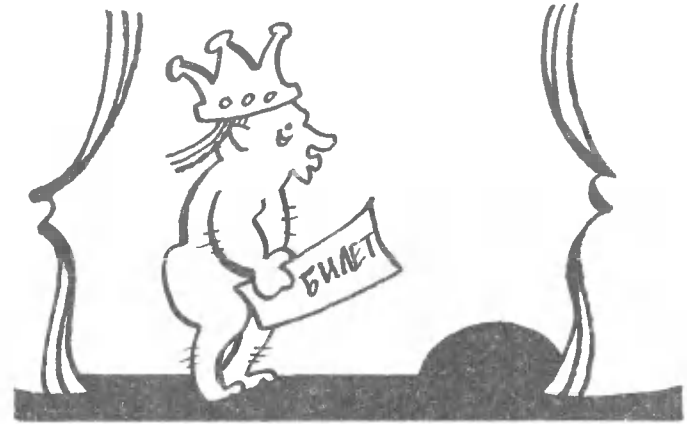
Виталий Горяев сделал, видимо, из этих слов правильные выводы. Он во многом изменил свою манеру (не изменив при этом Бродаты!). Особенно в книжной иллюстрации. А последнее время появились последователи и у него и довольно неплохие.

...Где-то в конце шестидесятых годов многие мастера искусств (в том числе и художники!) стали увлекаться «бороδοношением». Бородачи наводнили редакции. Не избежал этого и Виталий Николаевич. Он отстриг очень красивую, седую короткую бороду «а-ля Хемингуэй», которая была ему очень к лицу.

В это время Горяев редко бывал в редакции «Крокодила», много сил и времени отдавая иллюстрации. И когда после небольшого перерыва Виталий Николаевич появился в новом своем облике, присутствующие были озадачены, приятно удивлены и, естественно, по-своему, по-крокодильски, отреагировали.

Так, Аминадав Моисеевич Каневский сказал:

— Ну, Витя, я смотрю, ты теперь усат и бродат!

ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ...

Одно время попасть в театр «Современник» было ох как не просто. Театр набирал силу: что ни постановка, то явление. И каждому москвичу, да и не только москвичу, но и, как теперь говорят, «гостям столицы» хотелось попасть на это «явление».

Надо было своими глазами убедиться, что это не «одни разговоры», а действительно что-то новое, современное. Ломали головы и мы, крокодилы, как все-таки попасть в театр, и не просто попасть, а на любой спектакль, о выборе уже и речи не было.

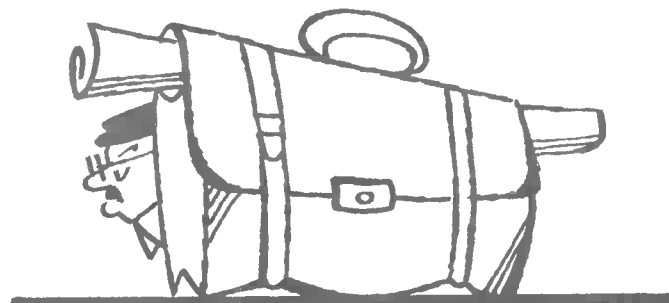
И тут выяснилось, что наши художники-крокодилы Анатолий Елисеев и Михаил Скобелев имеют к театру непосредственное отношение: они поставили там, как художники-оформители, несколько спектаклей.

...В театр прошли задолго до начала спектакля, и, чтобы как-то скоротать время, направились в буфет. Там мы встретились и познакомились с актером Евгением Евстигнеевым, который в спектакле играл главную роль и коротал время за чашкой кофе. За разговором не заметили, как пролетело время и наступила пора готовиться актеру к выходу на сцену. Кто-то сказал:

— Женя, вам пора одеваться!

— Раздеваться, — поправил Евстигнеев.

...Он играл роль Голого короля.

ЧЕЛОВЕК С ПОРТФЕЛЕМ

Поэт-сатирик Михаил Яковлевич Пустынин был большой мастер и любитель эпиграмм. В его знаменитом огромном портфеле всегда можно было отыскать десяток различных эпиграмм, как он говорил, сделанных «впрок». Писал он их везде и всегда: добрые, злые, острые и не очень, но всегда веселые. Было время, когда на очередную летучку по очередным номерам журнала «Крокодил» он приходил с пухлой тетрадкой, которую, вытаскивая из своего бездонного портфеля, где (в тетрадке!) все критические замечания автора были изложены... в стихах. И, надо сказать, неплохих. Жаль, конечно, что тетрадка эта не сохранилась. Жаль, что не сохранилось множество его эпиграмм, так сказать, «для внутреннего употребления».

Это был удивительный и очень отзывчивый человек; стоило ему только намекнуть, что у кого-то юбилей или какая-либо другая торжественная дата, как тут же из-под пера появлялись две—четыре, а то и все восемь строк. Михаил Яковлевич подписывал свои (увы, малочисленные!) книжки стихами. Он любил этот жанр и всегда был готов пустить его в ход. Так, автору этих строк он написал на своей книге «Сучки и задоринки» (1955 г.)

*«Пускай известно будет всем:
Он чародей, волшебник тем.
Все лучше, выше темы Марка,—
Такая уж у Марка марка...»*

Он любил делать приятное.

Однажды по заданию журнала «Крокодил» Михаил Яковлевич подготовил стихи (к рисункам) для газеты «Батумский рабочий». Они были напечатаны. Ожидаемый гонорар за работу заметно задерживался, пока

наконец не выяснилось, что в издательстве не было известно отчество поэта.

Узнав об этом, Пустынин телеграфировал:

*«Я был ужасно удивлен
И не на шутку был сконфужен.
Вам нужен с отчеством поэт,
Вам с ИМЕНЕМ поэт не нужен!»*

Все, конечно, уладилось, обе стороны остались довольны.

Пустынин подписывал многие плакаты разных художников, и художники делали много плакатов к его стихам-эпиграммам. Но, как и в каждой работе, были и тут неувязки. И на это поэт реагировал по-своему. Так, просидев на одном совещании и не услышав своих стихов к рисунку художника Марка Александровича Абрамова на политическую тему, Михаил Яковлевич послал руководству тут же сочиненный «запрос»:

*«Где же Абрамова штрихи,
Где к ним Пустынина стихи?»*

Шутка сработала: тут же отыскался рисунок, тут же нашлись стихи, и тут же все это было... забраковано. Всякое бывало...

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Мало того, что Михаил Яковлевич Пустынин считался (и по праву!) старейшим крокодильцем, он был еще и старейшим сатириконцем (а «Сатирикон» издавался еще в дореволюционной России).

Михаил Пустынин был фигурой колоритной, и не случайно крокодильские художники зачастую использовали его как типаж в своих рисунках (особенно часто его рисовал К. Ротов в массовых сценах!).

Вместе с тем это был добрейшей души человек, приятный, умный и остроумный собеседник, эрудированный журналист, прошедший школу самого А. Аверченко, дотошный литератор. И не случайно Михаил Яковлевич был непременным участником всех крокодильских летучек. Уже где-то на пороге его восьмидесятилетия вдруг выяснилось, что, кроме огромного количества газетно-журнальных публикаций и эстрадно-цирковых текстов, у Пустынина почти ничего не издавалось отдельными книгами.

— Как же это так получилось? — спрашивали у Михаила Яковлевича.

— Так и получилось! — отвечал маститый сатирик и в который раз повторял свой любимый каламбур, перефразировав известную строку. — Старая гвардия умирает, но не издается!

АППАРАТНЫЙ РАБОТНИК

Некоторое время, правда, довольно давно — где-то в конце двадцатых годов (1928—1929), одним из редакторов журнала «Крокодил» был Н. К. Иванов-Грамен. Мало кому сейчас знакомо это имя. Но факт есть факт: был такой редактор.

И, судя по воспоминаниям старожилов журнала, которым довелось с ним работать, редактором был неплохим. И, судя по его многочисленным публикациям, оставшимся на страницах журнала, писал сам отменно: с выдумкой, юмором (что естественно!), в котором присутствовала большая доля фантазии, без чего трудно было выделиться на фоне блестящего созвездия сатириков того времени. А он выделялся и запомнился.

И руководить таким составом было, видимо, нелегко, но Иванов-Грамен руководил и оставил о себе добрую славу.

Я же застал Николая Константиновича уже немолодым, с подорванным здоровьем (это было уже после войны, где-то в начале пятидесятых), но еще много работающим, в основном с читательскими письмами в разделах «Вилы в бок!» и «Дорогой Крокодил!».

Все бы ничего, но он совсем потерял слух, и общаться с ним было нелегко.

Последнее время Николай Константинович пользовался слуховым аппаратом, по поводу которого часто подшучивал:

— Вот раньше, в бытность редактором, у меня был аппарат! А теперь что, остался только... слуховой!

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В специальном номере журнала «Крокодил» (№ 1, 1949 г.) «Впервые в Крокодиле» на задней обложке появился рисунок Юрия Федорова, студента Московского полиграфического института. Так девятнадцатилетний художник, один из самых молодых в то время, начал свой путь в большой сатире.

К великому сожалению, он рано ушел из жизни, но и за это короткое время сумел сделать очень многое, а главное — остался в истории журнала одним из самых веселых художников. Юра с успехом работал как над маленькими юмористическими рисунками (тут он был неподражаем!), так и над крупными сатирическими произведениями. Он был не редкость изобретательный и веселый иллюстратор, изопародист и плакатист.

Совсем еще молодым человеком покинул он родной дом: отец погиб на войне, мать работала на одном из воронежских предприятий. Будущий художник подался в Москву, «завоевывать столицу».

И завоевал. Окончив институт, перешел на творческую работу: печатался во многих столичных изданиях, украсил своими рисунками десятки книг в издательствах «Советский писатель», «Правда», был участником художественных выставок... Жил где придется, снимая комнаты по объявлениям.

В один из своих приездов в Москву Татьяна Дмитриевна Федорова, сидя рядом с сыном, все вздыхала:

— Не надо было тебе покидать Воронеж! Приобрел бы какую-нибудь профессию, устроился бы на производстве, я бы тебе в этом помогла. Стал бы человеком работающим. При деле. При коллективе. Не бегал бы по Москве со своими картинками в поисках неизвестно чего!

...А сын в это время делал очередную обложку для многомиллионного сатирического издания, для любимого «Крокодила».

АКТЕР-ХУДОЖНИК

О кафе «Националь» и его бывлых завсегдатаях (я имею в виду мастеров искусств, литераторов, спортсменов) написано много и интересно.

Впервые в это кафе меня привел художник Иосиф Игин. Не только меня, но и Ю. Федорова.

Мы попали за «столик Олешки». Это был центр тогдашней элиты.

За другим столиком в одиночестве сидел Борис Николаевич Ливанов, народный артист СССР, известный актер МХАТа и талантливый шаржист: несколько его рисунков было напечатано в «Крокодиле», вышли они и отдельным изданием (но это уже позже!), к нему и направился Иосиф Игин, который был тут как у себя дома (правда, дома у него тогда еще не было). Чуть позже к ним переселился и Юрий Федоров. Скромный и стеснительный, он долго молчал, попивая кофе, вставляя изредка какие-то слова. О чем там был разговор, долгий и веселый, неизвестно, но только через некоторое время раздался громоподобный бас Ливанова:

— Юра, да вы артист! Не знаю, какой вы там художник, но вы артист.

— Что вы, — застенчиво возразил Федоров, — вот вы художник!

— Юра, не скромничайте, вы артист!

— Борис Николаевич, вы большой художник!

...В кафе уже гасили огни, мы были уже на улице, а из «Националя» все доносилось:

— Да вы артист!

— Да вы художник!

- Вы артист!
- Вы художник!
- Артист...
- Художник...

РЕДАКТОР И СЕКРЕТАРЬ

ЭФИРНОЕ СОЗДАНИЕ

Было время, когда попасть на стадион «Динамо» в день футбольного матча было очень сложно. Мне, тогда еще молодому сотруднику журнала «Крокодил», было поручено добывать билеты для болельщиков, и дело это было, поверьте, не из легких.

Постоянными посетителями футбольных матчей были как представители старшего поколения крокодильцев — И. Семенов, Ю. Ганф, Л. Ленч, Б. Ласкин, так и молодые их коллеги — Г. Вальк, Я. Костюковский, А. Елисеев, В. Каневский. Места у нас были всегда в районе ложи прессы. Здесь сидели знатоки из разных редакций, дававшие репортажи о футболе (С. Нариньяни, М. Мержанов, Ю. Ваньят, Н. Киселев). Время от времени до нас доносились их меткие реплики, позволявшие ориентироваться в переменах матча. Атмосфера была веселая, доброжелательная. Матчи в большинстве своем были напряженными, боевыми, а главное, зрелищными. Да и как могло быть иначе: что ни команда, то созвездие мастеров, что ни футболист — то имя.

Но вот однажды мы попали на игру, которая, как говорится, не получалась. Зрители дружно зевали, стадион одолевала скука...

Не дожидаясь окончания матча, многие потянулись к выходу. Наша славная закаленная дружина тоже не удержалась и начала покидать свои насиженные годами места.

Но только мы вышли за ворота стадиона, как откуда-то послышался знакомый голос Вадима Синявского: он вел репортаж об этой игре по радио. Но как вел! Его знаменитое: «Удар! Еще удар!» — повторялось многократно.

Создавалось впечатление, что там, на футбольном поле, забушевали страсти, команды заиграли совсем в другую игру.

Мы бросились назад, на трибуну, так беспечно покинутую маловерами. А на футбольном поле... На футбольном поле продолжалось доигрывание скучнейшей партии. Там было все то же самое.

Обстановку разрядил рассудительный Борис Ласкин:

— Вот видите, коллеги, мастерство репортера оказалось выше мастерства футболистов! Так что простим Вадима Святославовича.

Конечно, мы простили Синявского. Бо-о-ольшой был мастер, как говорят один из нынешних комментаторов.

5, 15, 25 — числа, которые московские журналисты (и, вероятно, не только московские!) ожидали всегда с понятным интересом и повышенным удовольствием. До недавнего времени это были дни выплаты авторских гонораров в издательствах, так сказать, возмездие за свершенное.

В эти дни обычно встречались «у окошка» коллеги по работе, авторы и соавторы, журналисты разного профиля, обменивались редакционными (и не только!) новостями, рассказывали профессиональные (и не только!) «байки» из цикла «что-где-когда?!»...

В один из таких примечательных дней я зашел в бухгалтерию, и там у меня произошла любопытная встреча с одним не знакомым мне журналистом (но меня он, судя по всему, откуда-то знал!). Встреча эта произвела на меня впечатление, и я решил рассказать о ней в «Крокодиле», где любят всякие неожиданные повороты.

В этот день (как всегда в день гонорара!) в редакции было оживленно илюдно. Никто «не приходил мимо». В коридоре, сменяя друг друга, собирались группы крокодильцев, представляющих различные жанры, но одинаково любящих журнал. Поговорить было о чем (впрочем, как и в любой другой день!).

К одной из групп, к которой примкнул и я, подошел главный редактор Мануил Григорьевич Семенов, человек общительный, любящий (и умеющий!) вставить острое слово. И тут ему такой случай представился...

— Так вот, — начал я. — В бухгалтерии, откуда я только что пришел, ко мне обратился незнакомый журналист, стоявший в очереди за мной. Он сказал: «Товарищ Вайсборд? И вы получаете гонорар сами? Я думал, что вы это поручаете своему секретарю».

— Ну, и ты ему ответил, — перебил меня Семенов, — что твой секретарь уехал отдыхать на Багамские острова и ты вынужден получать гонорар сам?

Увы! Я этого не сказал...

Но потом, при встрече, меня изводили коллеги:

— Так где ж сегодня твой секретарь? В Гонолулу? Или, может быть, в Занзибаре? И ты, бедный, в поте лица сам бегаешь по издательствам?

А ведь все началось с одной, казалось бы, проходной фразы Мануила Григорьевича.

ЛИСТОК ИЗ БЛОКНОТА

Иван Максимович Семенов дружил последнее время с Иосифом Игиным. Иосиф Ильич Игин был давним другом Эмиля Кроткого. Эмиль Яковлевич Кроткий питал дружеские чувства к Ивану Семенову. Так персплелась судьба трех разных, но удивительно интересных людей.

Талантливые сатирики, каждый в своем жанре, были на первых позициях в журнале «Крокодил», да и не только в журнале. Их произведения всегда были украшением любого издания.

К великому сожалению, последнее время (то есть время, в котором действуют герои рассказа) все они часто болели (возраст?), работали значительно меньше, но не теряли бодрости и чувства юмора, которого у каждого хватало на троих.

Первым ушел из жизни Эмиль Кроткий, который был старше других. Через некоторое время скоропостижно скончался Иосиф Игин.

Иван Максимович, оставшись без друзей-соратников, часто мрачно шутил: «Что-то я тут долго задержался?!» Но и его болезнь не щадила.

Как-то в мастерской разговорились мы о том о сем, и он вдруг вспомнил, как навещал больного Кроткого. И, поискав что-то в своем огромном столе, протянул мне листок из блокнота, где рукой Эмиля Яковлевича было написано одно из его последних посвящений:

*«Противник умственных затей,
Иван Семенов без заминки
Успешно делает детей
И издает для них картинки!»*

Ибо, как известно, Семенов, кроме того, что являлся многодетным отцом, был также создателем и многолетним редактором детского юмористического журнала «Веселые картинки».

У НАС И У НИХ

Эмиль Яковлевич Кроткий, кроме всего прочего, был особенно силён в экспромтах.

Тут ему, пожалуй, не было равных. Он с ходу реагировал на любое событие, случай или просто шутку.

Автор изумительных «отрывков из ненаписанного», он не переносил хаттуры, скороспелок и вообще недобросовестной работы (и не только в жанре сатиры!).

А надо сказать, что «пресс-клише ТАСС», где в послевоенные годы работали многие крокодилы, помогая тем самым периферийным газе-

там: районным и областным, заметно сдало, уровень понизился (как тем, так и рисунков!), что не могло, конечно, радовать. Появление серых, бездумных и беззубых произведений вызывало неудовлетворение.

Но лучше других это отметил Эмиль Яковлевич, и, как всегда, с ходу.

Под одним из рисунков он предложил (пародируя, конечно!) такую подпись:

*«У нас агро-курсы,
У них англо-саксы».*

Так сказать, в порядке самокритики...

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Это был не лучший период в жизни журнала «Крокодил». В истории любого издания бывали такие времена: бывали взлеты и падения, но главное — пережить, перебороть этот момент и выйти из него с честью. Что в общем-то и произошло в конце концов.

А на том этапе новый редактор, назначенный после известного постановления ЦК «О работе журнала «Крокодил», освоившись со своим положением и убедившись в том, что журнал выходит регулярно (!), без каких-либо ошибок и изъянов, передоверил всю работу своим помощникам, а те пустили ее на самотек.

Журнал лихорадило: старожилы ворчали, молодые не имели достаточного опыта перестроить дело. Выручали художники, великолепные мастера из плеяды «старых зубров». Но и это не спасало. Журнал, естественно, выходил, но делался на чистом профессионализме, был какой-то безликий, серый (это несмотря на шесть красок!), скучноватый. От жизни, может быть, и не так отставал, но и далеко вперед не заглядывал.

... Как-то, проезжая на машине по Беговой улице, художник Генрих Оскарович Вальк заметил:

— Вот тут живет редактор «Крокодила»!

Сидевший рядом Эмиль Яковлевич Кроткий не мог, конечно, упустить такого случая, тут же прореагировал:

— Пока тут живет редактор, там умирает журнал.

Журнал, конечно, выжил и не раз еще радовал своих читателей веселыми и умными, остроумными и задорными номерами.

Не раз еще показывал свои острые, отточенные годами крокодиловы зубы.

ЧЕРНЫЙ ЮМОР

Удивительный человек был Виктор Ефимович Ардов.

Удивлял он с первого же знакомства.

Он был непредсказуем.

Живой, компанейский, веселый и удивительно (я уже повторюсь!) остроумный.

Не случайно он мог поспорить с лучшими конференсье тех времен, а были в то время ого-го: Алексеев, Гаркави, Миоров... И не случайно они на своих концертах внимательно всматривались в зал — нет ли там Ардова.

О нем всегда много говорили, мнения часто расходились (как иначе!), но все сходились в одном: это личность, юморист превосходный.

Сам Виктор Ефимович, как он говорил, делал свое «черное дело», и делал, надо сказать, его неилохо, и совсем оно было не «черным», а, наоборот, светлым, добрым.

Много писал юморесок, скетчей, реприз, одноактных пьес и даже сценарии для кино.

Писал (вернее печатал) он свои рассказы как бы с ходу, прямо на машинке.

Садился и печатал.

У него как-то спросили:

— Ну вот напишете с ходу рассказ, а вдруг не получится?

— Заложу новый лист и буду писать новый рассказ. Это же так просто.

Но это было не так просто. Он играл. Играл он часто и в жизни, и в работе.

Очень добрый, отзывчивый. вроде бы не унывающий, но чувствовалось: где-то он играет. Но не переигрывает.

С этим ничего не поделаешь — такой характер.

До всего ему было дело: надо кого-то поддержать, кому-то помочь. Поднять дух, вступиться. А время было нелегкое.

Однажды в одной из своих статей он похвалил писателя Н.

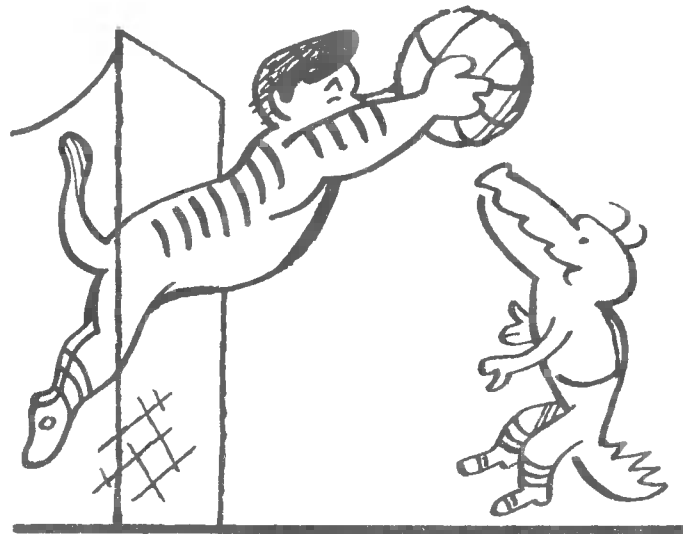
Тот при встрече поблагодарил Виктора Ефимовича и сказал:

— Я бы, Витя, в благодарность и тебе бы посвятил статью, написал бы что-то хорошее.

— Так напиши!

— Что?

— Некролог...

«КРОКОДИЛ» ПРОТИВ «ТИГРА»

Футбольный чемпионат Москвы среди журналистов близился к концу. Осталось сыграть всего несколько матчей. Играли главным образом на запущенном стадионе Инфизкульты.

Победителя, кроме всего, ждала встреча с чемпионом Тбилиси (это уже на стадионе «Динамо»).

Лидировали команды газет «Известия» и «Советский спорт». А пока с «Советским спортом» встречались журналисты журнала «Крокодил».

За крокодилцев играли в основном любители погонять мяч: молодые художники-карикатуристы и фельетонисты Анатолий Елисеев, Евгений Матвеев, Александр Семенов. Евгений Шукаев, Владимир Надеин, Марк Виленский, Валентин Преображенский и автор этих строк...

Конечно, противостоять таким асам, как Алексей Петрович Хомич в воротах, Виктор Понедельник в нападении, было нелегко. А их еще поддерживали Дм. Рыжков, Ал. Нилин, Ан. Пинчук и еще немало спортивных обозревателей.

Мощный Ал. Нилин цементировал оборону. Столкнувшись с ним... Впрочем, лучше было бы с ним не сталкиваться.

Игра проходила (что и неудивительно!) с превосходством журналистов «Советского спорта», но была обоюдоострой, так как сражались все от души, с удовольствием, что, к сожалению, стало редкостью на больших стадионах, где встречаются (увы!) профессионалы.

Крокодилыцы проиграли эту игру, а Хомич, как всегда, творил чудеса. А дело было еще и в том, что каждый норовил забить гол именно в эти ворота. Каждый только об этом и думал. Ведь потом можно было сказать: «Я забил гол самому «Тигру!»

Но этого, к сожалению нашему, не произошло. Гол так и не забил, хотя выходили один на один, обводили, били в упор!

Ворота остались «сухими».

«Тигр» вышел победителем в схватке с «Крокодилом».

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО

В пятидесятых годах в «Крокодиле» проходил стажировку известный польский художник-карикатурист, плакатист и иллюстратор, ведущий автор варшавских «Шпилек» Эрик Липинский.

Он знакомился с производственным процессом журнала, с работой художественного отдела, принимал участие в тематических совещаниях (сам будучи отличным выдумщиком!), присутствовал на заседаниях редколлегии.

Веселый, общительный, он быстро нашел общий язык с крокодильцами и стал нашим другом (и по сей день им остается!).

Главным художником журнала в то время был Виктор Яковлевич Коновалов, редактор требовательный, но справедливый. Не терпевший скороспелок и недоработок. Одинаково придирчиво (в хорошем смысле этого слова!) относившийся и к мастерам, и к молодым.

Рисунки Липинского несколько отличались от привычных работ наших художников, были облегчены и условны, и на первых порах ему было нелегко приспособиться (да и ни к чему) к традиционной манере крокодилыцев.

Каждый рисунок, сделанный Липинским для «Крокодила», приходилось по несколько раз переделывать, исправлять.

Иногда его правил сам главный художник, и тогда Эрик с присущей ему иронией говорил:

— Виктор Яковлевич, не забудьте после слов «Рисунок Э. Липинского» поставить «Перевод В. Коновалова».

ЖДИ МЕНЯ...

Обычно за две-три минуты до начала какого-либо совещания в «Крокодиле» за столом появлялся старейшина советских карикатуристов, акkuratный, подтянутый, всегда доброжелательный Михаил Михайлович Черемных. Это служило как бы сигналом: пора начинать! К столу подсаживались Юлий Ганф, Иван Семенов, Борис Пророков, Мих. Пустынин, Леонид Ленч и другие. Но, разумеется, не все были такие точные. Опаздывали обычно молодые (а куда им спешить?) и, конечно, Лев Бродаты, который мог прийти и на следующий день...

К этому привыкли и начинали без них. На этот раз открытие задерживалось. Как выяснилось, позвонил Борис Ефимович Ефимов, человек обязательный и точный (основной докладчик на совещании), и попросил его извинить: он задерживается у врача и вот-вот придет, так как стоит в очереди на прием вторым.

Ефимов не приходил... Время шло.

Были решены второстепенные вопросы. Желавших выступить становилось меньше.

Ефимов не приходил...

Пошли в ход шутки, реплики, розыгрыши, обычные для таких собраний.

Ефимов не... И тут дверь распахнулась.

На пороге стоял Ефимов, явно огорченный случившимся.

— Борис Ефимович, как же так получилось? Ведь вы сообщили, что стоите в очереди вторым.

— Действительно, я был вторым, но передо мной стояли Кукры-никсы...

ПАРНОКОПИТНЫЕ

Долгое время в газете «Лесная промышленность» работал большой энтузиаст сатиры и юмора, бывший крокодилец (он работал заведомом в журнале пятидесятых годов), фельетонист и рассказчик Борис Савельевич Копит (Б. Ольгин).

Пожалуй, в нашей печати не было в то время (да и по сей день!) газеты, в которой удивительно регулярно (каждую субботу!) выходил бы сатирический отдел, или, как теперь принято говорить, уголок юмора. Уголки эти делали крокодилыцы.

Если же и случалось так (в газете всякое случается), что суббота «выпадала», то отдел появлялся в другой день недели. Но обязательно появлялся! Борис Савельевич был душой и организатором этих материалов, хотя по долгу службы своей мог бы этим и не заниматься.

Он сумел сплотить вокруг «сучкорезки» (так поначалу назывался раздел) постоянный авторский актив из маститых и молодых авторов, причем не только профессионалов, но и рабкоров.

Тут были поэты Мих. Пустынин, В. Гранов, А. Створцакий, прозаики Е. Цугулиева, И. Верховцев, Я. Дымской, В. Аленин, А. Вихрев, художники А. Баженов, Ю. Федоров, Е. Гуров... Причем работали все с полной самоотдачей, весело, задорно, озорно.

Раздел имел огромный и неизменный успех у читателя. За долгие годы работы в газете образовались как бы творческие пары: Мих. Пустынин и В. Гранов, А. Створцакий и А. Баженов, Я. Дымской и М. Вайсборд.

И стоило названным авторам появиться в редакции (на совещании или в бухгалтерии), как неизменно слышалась фраза Бориса Савельевича:

— Вот идут парнокопитные!..

СНАЙПЕР КАРИКАТУРЫ

После серии политических убийств и покушений в США на одном из темных совещаний в редакции журнала «Крокодил» была придумана по этому поводу тема для карикатуры. На ней должен быть изображен некий гангстер в маске, стреляющий по мишени, на которой был портрет очередного президента США. К рисунку имелась соответствующая подпись.

Тему утвердил редактор, и она ждала своего графического изображения.

Выбор пал на одного из ведущих политических рисовальщиков. Народного художника РСФСР Юлия Абрамовича Ганфа.

В редакции, вероятно, вспомнили (или, наоборот, забыли), что у художника уже были рисунки на подобные темы.

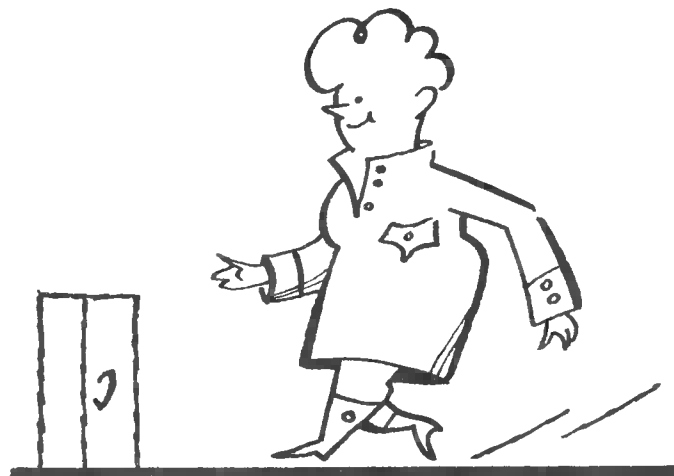
Состоялся телефонный разговор.

— Дорогой Юлий Абрамович, тут есть одна темка, в вашем вкусе. Срочная. Утвержденная. Размер — полоса.

И художнику изложили сюжет, после чего послышался ответ Ганфа.

— Хотя меня критики и называют снайпером карикатуры, но даже я не могу так часто стрелять в президентов!

Рисунок он все же сделал.

ХОДЯЧАЯ... ГИМНАСТЕРКА

Последнее время художник-ветеран Юлий Абрамович Ганф часто и серьезно болел. Нередко долгое время проводил в больнице, жаловался на сердце.

Но это не сказывалось на его боевом духе. Оптимизм и жизнерадостность не покидали его. Он, как всегда, был весел и, конечно, остроумен.

Однажды позвонили ему из редакции и, справившись о здоровье, сказали, что хотели бы его видеть в редакции сегодня, ибо есть дело, и неотложное. Юлий Абрамович сказал, что с удовольствием зайдет, так как давно не был, но только когда уйдет гимнастёрка.

— С каких это пор гимнастёрки стали ходить?

— У меня особый случай. Дело в том, что после болезни мне врачи прописали лечебную физкультуру. И к нам на дом приходит девушка, которая занимается со мной лечебной гимнастикой. Вот мы ее и зовем «гимнастёрка»!

И сам, как это с ним часто бывало, рассмеялся своей шутке.

И ОН ОКАЗАЛСЯ ПРАВ...

Много лет сотрудничал в журнале «Крокодил» грузинский художник-сатирик, народный художник Грузии Гигла Пирцхалава.

Автор множества веселых рисунков, шаржей, скульптурных портретов, альбомов. Участник различных выставок как в Тбилиси, так и в Москве.

Все эти годы он был желанным гостем московских коллег и всегда радушно принимал их у себя в Тбилиси.

Веселый, общительный, Гигла искренне радовался приезду друзей-товарищей, проявляя истинно грузинское гостеприимство.

Как-то, приехав в Тбилиси, я встретился с ним на улице Руставели, и, конечно, он тут же предложил:

— Пойдем посидим!

Взяли несколько бутылок вина (брал, конечно, он!), и, усевшись в укромном местечке, Гигла попросил:

— Три стакана.

— Зачем три? Ведь нас двое!

— Слушай, как двое! Сейчас кто-нибудь еще подойдет, у нас так принято.

И он оказался прав.

Подожел тогда еще молодой Нодар Думбадзе. Его сменил Нодар Малазониа. Присели Резо, Ваню, Гоги. Потом еще кто-то и еще кто-то. В общем, как у нас говорят: свято место пусто не бывает.

Прошло некоторое время, и Гигла Пирцхалава появилась в Москве (впоследствии такие его визиты стали частыми: то он ехал на чемпионат мира по футболу, то на Олимпийские игры, то туда, то сюда, но всегда через Москву). И мы, конечно, удалились с ним «посидеть», прихватив несколько бутылок вина (на этот раз в роли хозяина был я). А кафе было открытым, на улице...

Усевшись, он опять попросил три стакана. Я ему напомнил, что это не Грузия, что у нас другие традиции.

— Не может такого быть, чтобы кто-нибудь не подошел!

И он оказался прав.

К нам подошел милиционер:

— Приносить и распивать запрещается!

ОБМАНЧИВОЕ СОЗВУЧИЕ

Каждое издание имеет своего технического редактора. Не является исключением и «Библиотека Крокодила». Но, к сожалению, техреды этого издания так часто менялись, что порой трудно было уследить, «кто есть кто».

На этой должности побывали многие художники-крокодилы, такие, как Е. Митунов, В. Соловьев, Г. Огородников, Г. Караваева...

Одно время был техредом и художник Г. С. Иорш.

Так вот, будучи в редакции и зная, что к печати готовится его книжка, поэт Владлен Бахнов спросил:

— Как же мне величать нынешнего техреда?

— Гарри!

— Что значит Гарри? А отчество?

— Соломонович!

— Это другое дело. Фамилия?

— Иорш!

— Гм... Действительно, как это я сразу не догадался? Гарри! Да еще Соломонович! Ну, конечно же, ёрш! То бишь. Иорш...

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ...

Началась эта история очень давно, когда у власти в Никарагуа стоял еще кровавый генерал Сомоса. Эта одиозная фигура пользовалась в те времена особым вниманием всех карикатуристов.

На одном из темных совещаний в «Крокодиле» была придумана остроумная тема, разоблачающая этого самого Сомосу.

Рисунок предложили сделать молодому крокодилу, очень талантливому художнику «новой волны» Владимиру Мочалову.

Работа продвигалась медленно, художник делал варианты, откладывал их, и снова — варианты.

Вопрос — ответ:

— Как идут дела с Сомосой?

— Нормально. Уже разработал тему...

Прошло некоторое время. В Никарагуа произошла революция, Сомоса бежал из страны, к власти пришли сандинисты.

Вопрос — ответ:

— Ну так как дела с Сомосой?

— Нормально. Рисунок получается. Вот-вот завершу...

А время идет. Время бежит. Уже прошел слух (который в конце концов подтвердился), что Сомосу убили где-то и кто-то в Южной Америке.

А рисунка все нет.

Вопрос — ответ:

— Что все-таки с рисунком? Как там Сомоса?

— Нормально. Осталось нанести последние штрихи...

В редакции уже стали забывать о задании, о рисунке на тему «Сомоса».

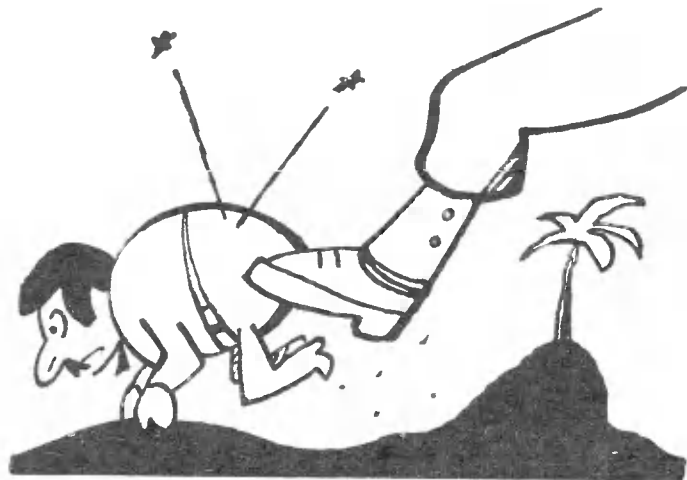
Появились более злободневные темы. сиюминутные. И вот уже совсем недавно, перед сдачей этой книжки в набор, поинтересовался у Володи, просто так, любопытства ради.

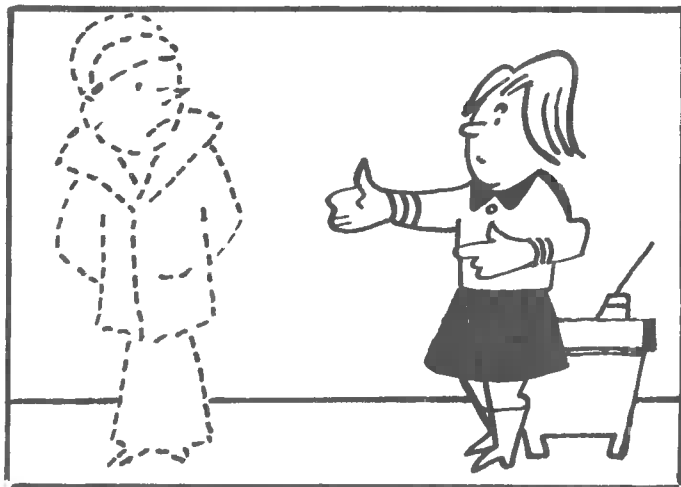
Вопрос — ответ:

— Ну так чем там закончилось с Сомосой?

— Нормально. Скоро принесу рисунок...

Молодой человек. Куда ему спешить? Вся жизнь впереди. А тут какой-то Сомоса... Смешно!

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

— Вы, главное, не волнуйтесь! Успокойтесь! Все будет в полном порядке. Найдем мы вашего благоверного. Никто еще у нас не пропадал. И этот куда не денется...

Участковый встал из-за стола, прошелся по своему небольшому кабинету, как бы набираясь терпения, и продолжил:

— Несколько слов о нем. Несколько характерных примет.

— Кузлов. Петр Фомич. 1961 года рождения. Блондин. Высокий. Сутуловатый.

— Усы? Борода?

— Нет, что вы! Ничего этого нет. Не любил он все такое.

— Но поймите, сутуловатых блондинов, без усов и бороды тьма-тьмушая. Надо что-то характерное. присуещ только ему одному.

— Ему одному? Не знаю, он был такой, как все, и гордился этим. Всегда говорил: я такой, как все!

— И все-таки чем-то он отличался? Ну, например, одеждой, походкой, манерой разговаривать?

— Одевался скромно. Пальто — дубленка. Серая. Шапка-ушанка. Брюки... Брюки как брюки... вельветовые...

— Да, так мы далеко не пойдем. Надо что-то ха-рак-тер-ное! Характерное только для него одного. А то как же мы искать будем? Как отличим вашего от не вашего? Мне надо на что-то сотрудников нацелить...

— Походка у него... Впрочем, походка обычная, правда, немного тянет левую ногу.

— Ну, это уже что-то! Подумайте, подумайте еще. Может, что вспомните? Были у нас такие случаи.

— Вот такого у вас еще не было!

— Вы говорите: такого не было. А судя по описанию, он ничем не выделялся... Как же быть?

— Он хороший!

— Ну, это еще не примета. Я тоже хороший. А глаза у него какие?

— Глаза? Глаза карие, или нет... Впрочем, действительно карие. А какие еще бывают?

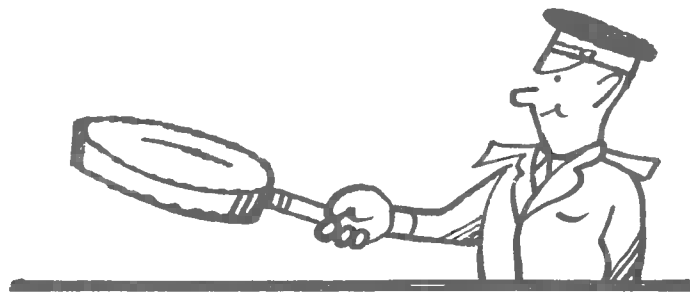
Участковый вновь встал из-за стола. Вновь прошелся по своему небольшому кабинету. Разговор его явно не устраивал. Тупик.

— Где любит бывать? Чем увлекается?

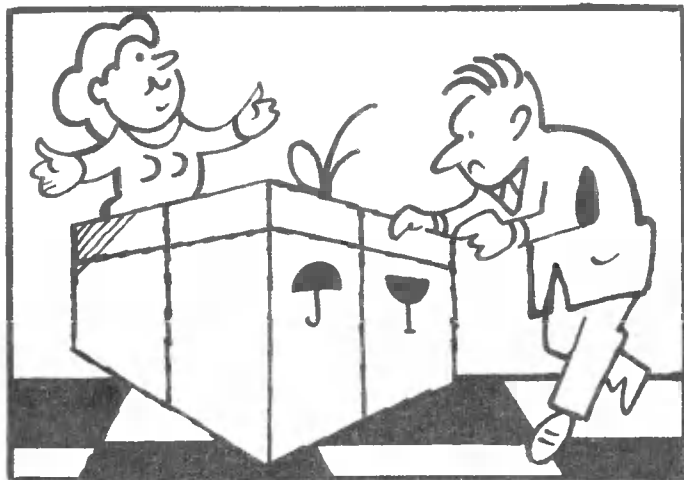
— Нигде не бывает. Дом — работа — дом. А увлекается книгами. Книголюб. Собирает, как это он выражается, фолианты... посещает букинистов. Обходительный. Вежливый. Всегда. Всех за все благодарит. Не обходится без «спасибо».

Участковый подскочил как ужаленный.

— Что же вы раньше молчали? «Спасибо!» Это ведь то, что нам надо! «Спасибо!» Это самая что ни на есть характерная примета. Особая! С такой приметой он далеко не уйдет. Будьте спокойны! Считайте, что он уже дома...

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

«Вся власть советам!» на семейный совет, к сожалению, не распространяется. Несмотря на новое мышление. Несмотря на плюрализм. Несмотря на перестройку. Не распространяется, и все тут! А зря...

На деле ведь как бывает: состоялся совет, принято решение, а на поверку — все наоборот.

Бодрым голосом жена заявляет:

— Так что будем менять кресла! Ты бы какие хотел? Мягкие с розовой обивкой или простые кожаные на трех ножках?

— Я бы предпочел,— говорю я,— кожаные на трех ножках.

Прихожу с работы — новая мебель (кресла!). И как вы думаете — какие? Правильно. С розовой обивкой.

Появились новые телевизоры.

Бодрым голосом жена заявляет:

— У всех уже новые телевизоры, а мы все еще смотрим в устаревший ящик. И что показывают? Стыд и срам. Пора обновить...

— Программу?

— Телевизор. Не прикидывайся.

— «Темп» или «Рубин»?

— По-моему, «Темп». А ты бы что предпочел?

— «Рубин».

Звонок в дверь. Вносят новый телевизор. Какой? Что за вопрос? Конечно, «Темп».

В столице появился новый спектакль «Закат» по Бабелю. Причем ставят его сразу в двух театрах. Надо посмотреть, не все же у телевизора сидеть.

Бодрым голосом жена заявляет:

— Так решили: идем на «Закат». Вот только куда — в Театр имени Маяковского или в Театр имени Вахтангова? Я лично предпочитаю Вахтангова. А ты?

— Ты же знаешь, что я поклонник Гончарова, тем более с Джигарханяном и Виторганом. Маяковский...

— Маяковский так Маяковский!

Билеты она, конечно, принесла в Театр имени Вахтангова. Но ни я и не вы, как видно, и не ожидали ничего другого. Это еще счастье, что спектакль ставили всего два театра!

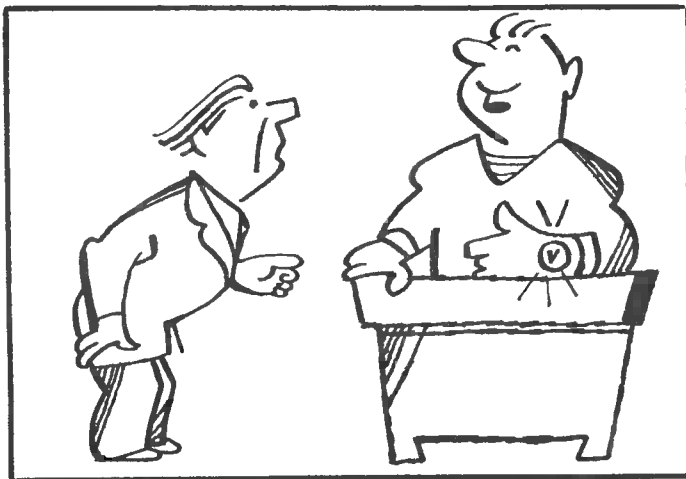
Все мои попытки изменить ход событий в свою пользу не имели успеха.

Бодрым голосом жена заявляет:

— Я все вопросы честно выношу на Совет. Все предложения имеют альтернативу. Чем ты не доволен? Полная демократизация. Просто ты отстал. В тебе еще много от застоя. Пора менять мышление.

Что я мог возразить? Альтернативы у меня не было. А если бы и была?

ЧАСЫ

Стоит мне однажды не выйти на работу или опоздать, как обязательно что-нибудь приключится.

Так было и на этот раз.

Опоздать я действительно опоздал. Самую малость, но опоздал.

Открываю дверь и чувствую: что-то тут не так. Все вроде бы на своих местах, а вместе с тем что-то не так.

Косятся все на Богатырева. Глаз с него не сводят. А он восседает за своим столом важно и величественно.

Человек в общем-то он тихий, спокойный, неприметный.

И на тебе, восседает!

Присматриваюсь. На руке у него что-то поблескивает, и это «что-то», как я обратил внимание при ближайшем рассмотрении, — часы.

И часы, надо сказать, уникальные. Я таких раньше не примечал.

Впрочем, на часы они были мало похожи, скорее агрегат какой-то в черном футляре.

Не привлекая к себе внимания (опоздал все же!), спрашиваю этого Богатырева:

— Что за штучка такая?

- Заграничная!
- Противоударные?
- Ну, этим теперь не удивишь.
- Водонепроницаемые?
- Это и у нас имеется. Показывают день и число!
- А год не показывают?
- Почему же, и год показывают. Да еще с музыкой!
- Небось что-нибудь из оперетты?
- Можно и классику.

Прислушиваюсь. Действительно, что-то классическое. Что, не скажу, но что-то такое.

— Ну, а чем еще удивишь?

— Калькулятор есть. Четыре действия арифметики.

— А пылесоса там случайно нет?

— Чего нет, того нет.

— Может, душ есть?

— Пока нету, но со временем будет.

Ну, думаю, Богатырев в люди выходит. Еще бы, такой агрегат!

— Чем еще порадуешь?

— Да вот, время показывает на всех континентах.

— Так уж и на всех?

— А как же! Мы тут сидим, а в Австралии уже с работы возвращаются...

— Живут же люди!

Посмотрел, кстати, по сторонам. Притихли что-то сотрудники. То ли к беседе нашей прислушиваются, то ли о своем чем-то размышляют. Тишина. Покой.

Видно, как часы эти, примечательные, подмигивают.

Решил все же последний вопрос Богатыреву задать:

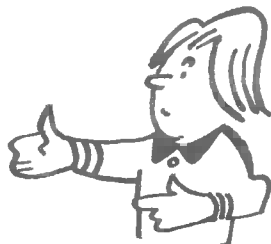
— А как насчет будильника? Будильник у них есть?

— Конечно! Как без будильника!

— Ну, вот что, дорогой товарищ Богатырев, заводика ты свой будильник. Да погромче. Чтобы все слышали. Обедать пора!

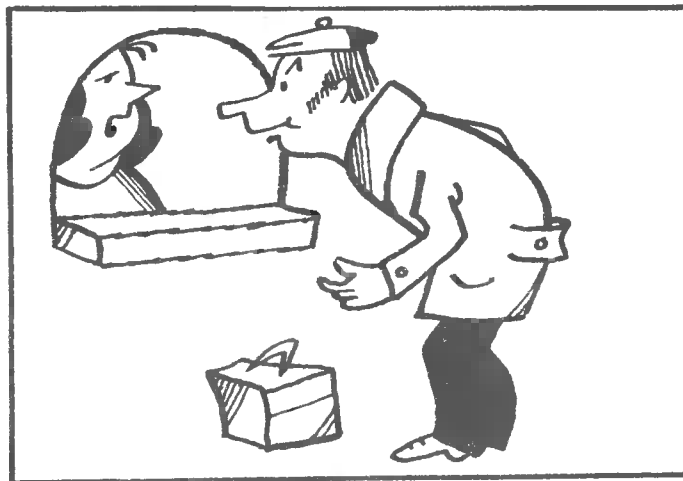

ДИАЛОГ О ЛЮБВИ

- Наконец я нашла то, что искала! Я полюбила его с первого взгляда!
- Чем же он тебя так пленил?
- Ты себе не можешь представить, что это за чудо!
- Высокий, брюнет?
- Нет, среднего роста, блондин.
- С голубыми глазами?
- Карими...
- Спортивного вида?
- Я бы не сказала, но видный.
- Возраст?
- Самый раз!
- Но всего этого мало для любви.
- Для любви, может, и мало. Но когда с ним появляешься на людях, что-то невообразимое — глаз с него не сводят.
- Что делает?
- Деньги. Всегда с подарками...
- А как человек?
- Человек как человек.
- Чем увлекается?
- «Спортлото».
- Расписались?
- Вот уж как две недели.
- В общем, я смотрю — у тебя порядок!
- Какой там порядок...
- Что не так?
- Развелись...
- Когда?
- Вчера.
- Ка-ак?!
- Да просто я нашла то, что искала! Я...

(См. сначала.)

КАК ВАРИТЬ БОРЩ УКРАИНСКИЙ

Приезжая обычно в новый незнакомый город, то ли в командировку, то ли по личным делам, первым делом направляюсь в «Справочное бюро». Несколько вопросов. Столько же ответов. И вроде уже имеешь представление о новом месте пребывания.

В городе N меня ждал сюрприз...

«Справочное бюро» оказалось тут же, на привокзальной площади. И у окошка никого не было.

— Скажите, пожалуйста?..

— Да, да. Хорошо иромой под краном мясо и положи в кастрюлю. Посмотри, чтобы кастрюля была чистая. Обождите, молодой человек. Свари мясной бульон и процеди.

— Я вас очень прошу!

— Невозможно работать. Бери свеклу, морковь, петрушку, лук. На-режь все это соломкой. Алло, соломкой, а не солонкой.

— Прервитесь на минутку. У меня всего один вопрос!

— Вот именно. Всю эту смесь надо потушить. Минут 20—30. Не забудь прикрыть кастрюлю крышкой. Перемешивай, чтобы не подгорело.

Сейчас я вами займусь, и подливай немного бульона или воды, кипяченой. Кипяченой!

— Мне буквально одно слово!

— Одно слово! А тут все подгорит! Так вот, нарежь коренья, лук, слегка поджарь с маслом, смешай с поджаренной мукой.

— О, господи, когда же это кончится?

— Скоро кончится. Осталось только нарезать картофель крупными кубиками, крупно нарезанную капусту, тушеную свеклу, соль и варить 10—15 минут. Соль, соль не забудь. По вкусу. По твоему вкусу.

— Послушайте! У меня нет времени!

— И все это довести до кипения.

— Уже!

— Что уже?

— Довели!

— Что довели?

— До кипения. Меня. Во мне уже все кипит!

— Боже, какие нервные стали люди! И отчего бы это? Что вам всем все не так? Что вы хотите? Что, что, что?!

Но я уже ничего не хотел. Я ушел. В неизвестное.

Правда, украинский борщ теперь готовлю — пальчики оближешь.

ДОИГРАЛИСЬ

Да, были времена! Есть о чем вспомнить. Придешь, бывало, на работу после очередного футбольного тура и только разговоров что о забитых мячах.

Какой гол провели спартаковцы! Чудо-гол. Это первый, а второй — с разворота в верхний угол, вратарь был бессилен... Стадион ликовал, причем полный стадион.

Торпедовцы, конечно, с своим: выпел один на один, обвел вратаря и тихо, точно уложил мяч в левый нижний угол. А во втором тайме на один пропущенный ответили тремя, да какими — один лучше другого. И Эдика Стрельцова вспомнят, Валентина Иванова вспомнят, под статью им, мастерам старшего поколения, удары.

Уж не говорю про «Динамо». Болельщиков их у нас в отделе много. И все на матче были и все-все видели, и каждый по-своему рассказывает, как забивали (как пропускали, почему-то молчат), с какой ноги, с какого угла, на какой минуте. Полное представление об игре! Как будто сам присутствовал на трибуне.

Армейцы тоже в долгу не оставались. Было что рассказать. Один удар в падении головой. Красавец! Второй, правда, с углового, но тоже отличный удар, в стиле Боброва.

Так, перебивая друг друга, вели разговор наши болельщики. Заслушаешься. И кто футболом не интересовался, и те, отложив дела в сторону, окончив телефонные разговоры и попрытав нерешенные кроссворды, слушали затаив дыхание. О какой работе могла идти речь, когда такие страсти вокруг!

Посмотришь на часы — полдня как не бывало, а там и вторая половина на убыль пошла. И все это кончилось...

Думаете, гайки позакручивали? Дисциплину подтянули?

И опять ошибаетесь. Рассказывать-то не о чем. Голы-то в редкость стали, как говорится, раз-два и обчелся: ноль-ноль, один-ноль...

И всего-то разговоров на пару минут, день-то впереди большо-о-ой... Конца не видно!

Да, подводят нас футболисты, ой, как подводят...

То ли дело раньше было!

БЕРЁТ...

По району пронесся слух. Пронесся со страшной скоростью, сметая все на своем пути. Проникая во все щели и малозащищенные места.

Берёт! Новый председатель райисполкома — берёт!

Слух упорно полз, вползая в кварталы, дома, квартиры жителей района.

Дополз он и до Сичкиных. И тут началось! Впрочем, началось все гораздо раньше. Но такой повод представился впервые.

— Сходил бы к председателю. Может, еще комнату набросит, чем мы хуже других?

— Оснований-то нет.

— А мы ему основания подбросим. Тем более если берёт.

— Это еще проверить надо.

— А вот ты и проверь!

Не первый раз велись уже такие разговоры в семье Сичкиных. Не первый раз уже супруга давила на него железной женской логикой. Но всякий раз обходилось. Но тут Сичкин не устоял.

В конце концов чем черт не шутит! Раз берёт, почему бы не дать? Если есть что. В общем, готовь, хозяйка, сумку.

...У кабинета председателя совершенно неожиданно оказалось мало посетителей. И довольно быстро Сичкин оказался в кабинете.

Председатель как председатель: молодой, энергичный, с усмешкой на волевом лице. А берёт или не берёт, на лбу не написано. Но не будут же люди зря болтать.

Подав Сичкин заявление, а пакет как бы невзначай на стол положил. И ждет. Не сказать чтобы спокойно, нервы напряжены, и сердце дает о себе знать.

Ознакомившись с заявлением, председатель почему-то покачал головой, может, у него привычка такая, кто его знает.

А вслух сказал:

— М-да! Оснований, конечно, маловато. Но положение не безнадежное. Что-нибудь попробуем сделать, попробуем.

— Вот спасибо. Уж поспедействуйте!

— Спасибо говорить рано. Подумаем.

— Пожалуйста, подумайте, а вот вам пакетик жена передала, чтобы легче думалось.

Развернул председатель пакет. Улыбнулся нехорошей улыбкой. Нажал кнопку.

Сичкин побелел, как бумага, на которой было написано это проклятое заявление, похолодел и сразу как-то осунулся.

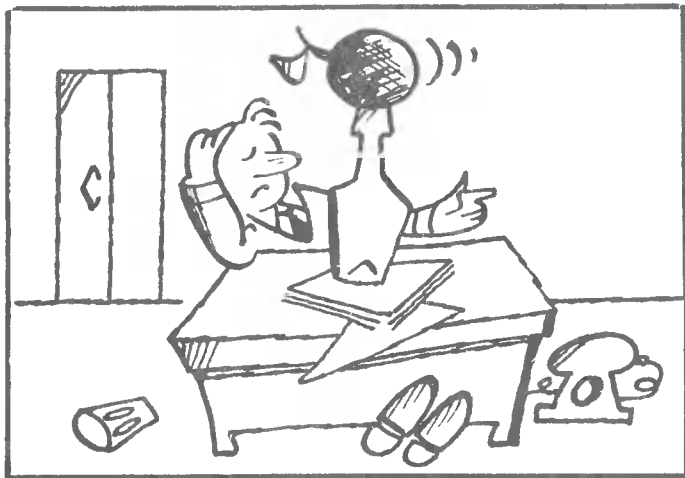
Вошла секретарь.

— Верочка, вот товарищ деньги принес, так вы их пересчитайте, оприходуйте и передайте в фонд строительства детсада. А вы, товарищ...

Но говорил он уже в пустоту. Товарища и след простыл. его как ветром сдуло.

Побежал сообщать, что новый все-таки берёт...

АПЕЛЬСИН

Не понимаю людей, которые высунув язык бегают в поисках апельсинов. Не понимаю!

Что в них хорошего? В апельсинах. Одни неприятности! И только. А дело вот в чем.

Зашел как-то в наш отдел товарищ. И прямо ко мне. Так и так, надо решить один вопрос. И не просто решить, но и ответ получить. И срочно.

Товарищ оказался толковый, да и я проявил находчивость. Вопрос решился — ответ получили.

— Не знаю, чем вас отблагодарить!

— Ничего такого не надо. Это моя работа, это в конце концов мой долг!

Но тут он полез в портфель, что-то там поискал и достает апельсин. Крупный. Аппетитный такой. И как-то застенчиво кладет мне на стол.

— Вот, пожалуйста, не обессудьте. Вроде как сувенир!

— Сувенир так сувенир! Спасибо. До свидания. Заходите. если что...

Смотрю я на этот сувенир и не знаю, что мне с ним делать. А тут входит сотрудник наш, Дыновский. Посмотрел на апельсин и оживился.

— Что это у тебя? Откуда такое?

— Оставил один чудак. Вот не знаю, что с ним делать.

— Ну, ты не переживай. Тоже мне проблема! Найдем применение. Вот сейчас Синюхов сбегает на угол, одна нога тут, другая там...

Смотрю, а Синюхов уже возвращается с бутылкой. Разрезали апельсин. И поминай как звали. А в бутылке еще на раз осталось. Призадумались...

— Что грустите, орлы? — подошел к нам Пыжов из соседнего отдела. — В чем проблема?

— В закуске. Видишь — в пузырьке еще булькает.

— Это дело поправимое. У меня где-то яблоки были.

И действительно приносит.

Допить — допили. Но яблоки остались.

Тогда нап друг Синюхов вновь «одна нога тут, другая там».

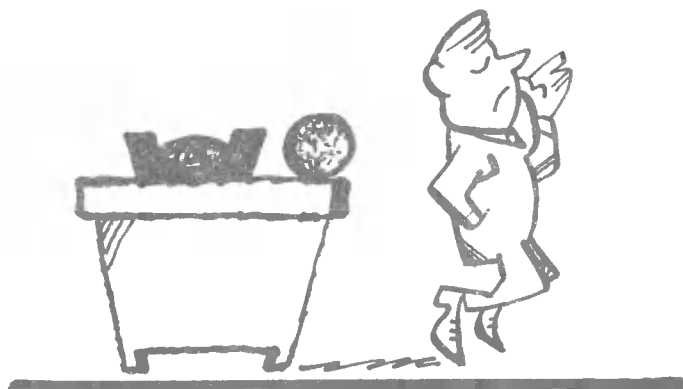
Выпили — закусили. Закусили — выпили. Яблоко как не бывало, а в бутылке все еще булькает.

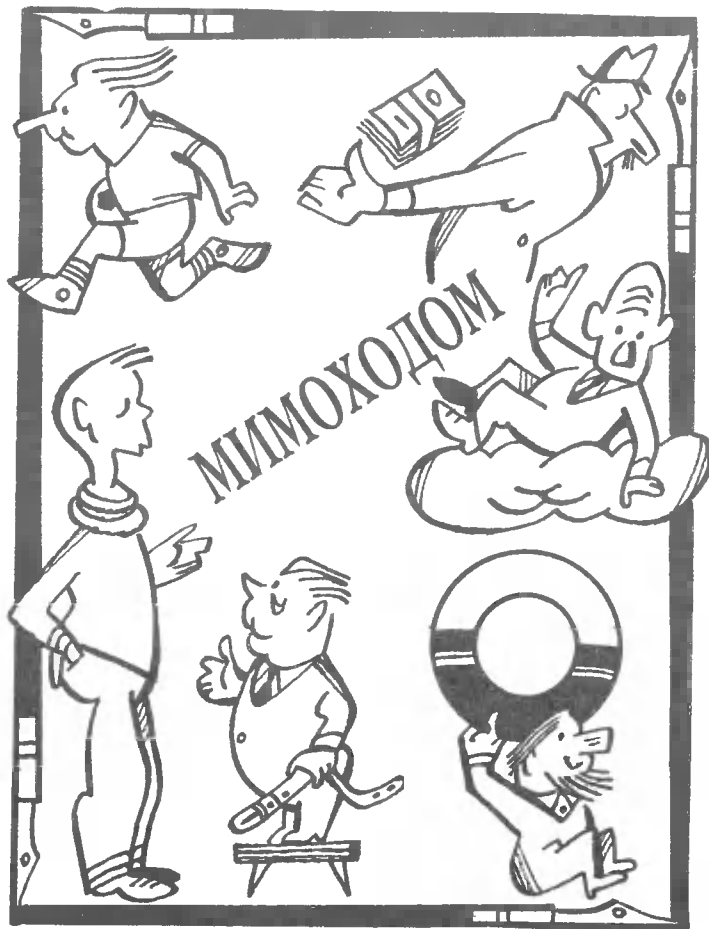
Смотрю, мой Дыновский заскучал. На сон его потянуло.

Синюхов, тот домой отпросился. Дела, мол, срочные, неотложные.

Пыжов стал секретаршу обхаживать. Сам не работает и ей не дает.

А я вот сижу и думаю: что же это за фрукт такой — апельсин? Откуда он такой взялся? Глаза бы мои на него не смотрели!

Кошки проклинали век техники: все время попадаются заводные мыши.

Солнечный зайчик не меняет шкуру.

Сначала получил взятку, потом — за взятку.

Объявление: «Точим ляды...»

Расписывался в собственной глупости, как в ведомости на зарплату.

Было шумно: отмечали день рождения истины.

Загребая жар чужими руками, обходятся без рукавиц.

Блуждающий из команды в команду форвард.

Об абитуриенте сказали: ноль без палочки.

Если стены имеют уши, значит, строители допустили брак.

Окладоискатель.

Был баран бараном, пока не стал дубленкой.

Засучив рукава тоже можно ничего не делать.

Трус и в маске тигра — трус.

И окрыленные успехом подумывают о мягкой посадке.

Если дети смотрят на родителей свысока, это не всегда признак акселерации.

Смотрел правде в глаза через розовые очки.

Нередко козлом отпущения делают осла.

Горящая путевка в жизнь.

В сомнениях рождаются сомнительные истины.

Конференсье с круглошуточным заводом.

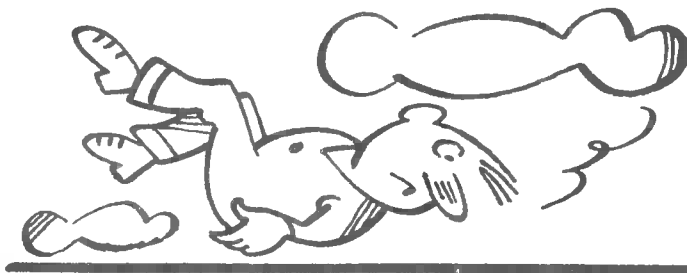
Если все начнут хватать звезды с неба, звезд не хватит.

Что значит мода: анекдот и тот с бородой.

Эпитафия: «Сгорел со стыда...»

Не изобрели еще такой кран, чтобы поднимать авторитет.

Был на седьмом небе — понизили.

Безликие все на одно лицо.

И проза жизни требует хорошего редактора.

Бочек много — Диоген один.

Нетрезвое состояние — все его состояние.

Взятковзятель.

Шахматист — человек, который ходит сидя.

Не случайно рифмуется: гараж — мираж.

Между двух стульев сидеть не рекомендуется, даже если это стулья последней моды.

Однолюб-теоретик.

Без головы бывают не только всадники.

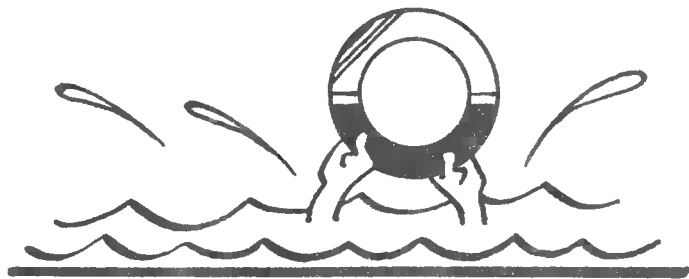
Хор мальчиков-переростков.

Если не хочешь, чтобы твоя песенка была спета, не пиши ее.

Объявление: «Свожу концы с концами...»

Утопая в роскоши, мечтала о спасательном круге красного дерева.

Трудолюбивый бездельник.

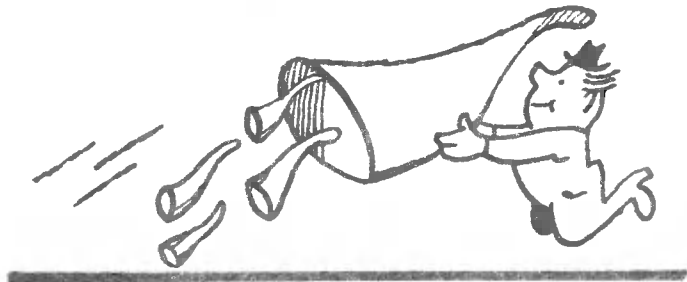
Срочно строили мельницу: ожидали приезда столичного Дон Кихота.

И у реки забвения должен быть свой брод.

Жалоба: «Бумеранг не вернулся...»

В его голове рождались все новые и новые мысли — не голова, а роддом.

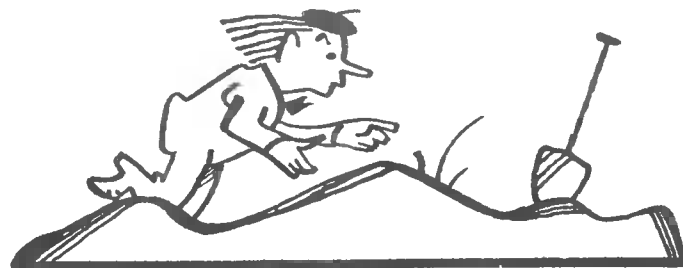
Каждому свое — кому рог изобилия, кому изобилие рогов.

Закопав талант в землю, ростков не жди.

Что бы пришло в голову Ньютону, если бы на него упало яблоко раздора?

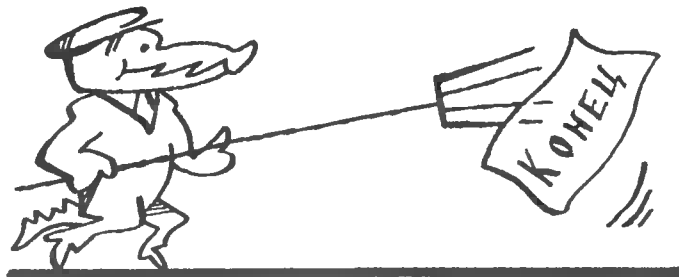
Живет же эта моль: каждый день в новой шубе.

Объявление: «Требуется мавр, знающий свое дело...»

Древу познания листопад не угрожает.

Нас на АББУ променял.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТРОСЛОВЫ	2
РАССКАЗЫ	27
МИМОХОДОМ	42

Марк ВАЙСБОРД (Самуил Маркович ВАЙСБОРД)

ОСТРОСЛОВЫ-2

Редактор А. И. Ходанов

Техн. редактор В. П. Борисова

Сдано в набор 15.06.90. Подписано к печати 02.08.90.
Формат 70 × 108¹/₂. Бумага типографская № 2
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2.10.
Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд. л. 2,61. Тираж 75000.
Заказ № 2487. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила, 1990.

МЫ ИЗ ХАРЬКОВА

Я родился в Харькове. В Харькове рос, учился и впервые напечатался в газете.

Из Харькова ушел в 1941 г. на фронт, а после окончания войны вернулся... в Москву.

И сразу же почувствовал себя как дома. Тут, в Москве, блистали харьковчане К. Шульженко, М. Бернес, появилась Л. Гурченко.

В «Крокодиле» работали художники-карикатуристы харьковчане Ю. Ганф, Б. Фридкин, Н. Лисогорский, Л. Соифертис, Л. Самойлов.

Писатели-сатирики тоже были из Харькова: Вл. Бахнов, Я. Костюковский, Ал. Хазин, Ю. Борин и позже Арк. Инин, Л. Осадчук, Александр Иванов... Что? Саша Иванов не из Харькова? А жаль, ведь мог быть тоже...

И когда все говорят о веселом южном городе на Украине, почему-то вспоминают только Одессу. И зря! С нами не соскучишься...